

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию ЧЖАН ЛИНЬЛИНЬ

на тему «Математическое мышление как основа мифопоэтики в романах

А. Белого и Е.И. Замятина («Петербург» и «Мы»),

представленную на соискание ученой степени кандидата филологических

наук

по специальности 5.9.1 – Русская литература

и литературы народов Российской Федерации

Работа Чжан Линьлинь посвящена актуальной теме, так как в ней исследуются два выдающихся русских романа начала XX века, «Петербург» А. Белого и «Мы» Е.И. Замятина, которые до сих пор привлекают внимание исследователей во всем мире.

Диссертация Чжан Линьлинь представляет собой новаторское исследование, в котором доказывается значение математического образования писателей и, соответственно, знакомых им математических теорий для основ поэтики и философии романов «Петербург» и «Мы».

Убедительным выглядит предположение о том, что Е.И. Замятин в период работы над романом «Мы» мог быть знаком с идеями, изложенными П.А. Флоренским в книге «Мнимости в геометрии», опосредованно, через роман А. Белого «Петербург». (С. 36) Очень глубокой представляется мысль о том, что «художественная интуиция Ф.М. Достоевского питалась и математическим знанием: образование инженера было бы невысказано без

овладения алгеброй и геометрией, однако только гениальному мыслителю могла открыться связь между не соприкасающимися, казалось бы, сферами бытия – моралью и математикой». (С. 37).

Интересен вывод о том, что «Солнце становится и воплощением, и катализатором тех изменений, которые революция произвела в сердцах главных героев» романа «Петербург» и что «Возможно, образ солнца-шара как сгустка энергии, источника и квинтэссенции боли, психологических страданий» перешел и в роман «Мы». (С. 51) В диссертации показано, как, отталкиваясь от пушкинского «Медного всадника», Белый и Замятин пропускают поэму «сквозь призму не только литературы, философии, но и математических (и базирующихся на них естественно-научных) концепций и идей». (С. 50-52). В частности, Замятин утверждает: «Последней – нет, революции – бесконечны», связывая бесконечность с законом энергии, что обеспечивает обеспечивая вечное движение и развитие. По справедливому мнению диссертантки, это является на популярную в 20-е годы теорию «перманентной революции». (С. 53)

Настоящим научным открытием является указанная в диссертации связь образа Аполлона Аполлоновича Аблеухова в «Петербурге» с положением статьи Вяч. Иванова «О существе трагедии», где утверждается, что «Аполлон есть начало единства, что сущность его – монада, тогда как Дионис знаменует собою начало множественности <...> монаде Аполлона противостоит дионисийская диада...» (С. 66) Отметим, что аналогичным образом в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», написанным под сильным влиянием идей П.А. Флоренского, все основные персонажи делятся на триады и диады, и только Маргарита представляет собой монаду, символизирующую любовь и вечную женственность, трансцендентную силу. У Белого же монаде Аполлона Аполлоновича, символизирующей порядок и симметрию, противостоят разрушительные «дионисийские диады» Дудкина – Николай Аполлонович и Липпанченко – Дудкин.

Справедлив вывод о том, что у Белого музыка, в которой для него материализовалась математика, «существует в каждой монаде, становясь постоянным звучащим инструментом, передающим внутренний мир и межличностные отношения главного героев, являясь фактором, определяющим сюжет и структуру». (С. 80)

Оригинальным и убедительным является содержащееся в диссертации доказательство связи аудиального и математического начал в «Петербурге» А. Белого, которое выражается в том, что «Белый понимает вселенную как числовое устройство и связывает внимание Аполлона Аполлоновича к математическим символам или геометрическим фигурам с акустикой, и эта физико-арифметико-акустическая концепция распространяется на все сущее». (С. 83)

Оригинален вывод о том, что «Белый понимает вселенную как числовое устройство и связывает внимание Аполлона Аполлоновича к математическим символам или геометрическим фигурам с акустикой, и эта физико-арифметико-акустическая концепция распространяется на все сущее». (С. 83) При этом «акустические образы определяют не только движение сюжета, но и – прежде всего – композицию текста». (С. 88)

В диссертации очень точно отмечено, что «пространственная форма», которую в русской литературе связывают прежде всего с произведениями М.А. Булгакова и А. Платонова, воплотилась уже в романе «Петербург», где «Белый создает мир, в котором переплетаются фантазия и реальность, и старается избавиться от ограничивающих его времени и пространства. При этом внешнее пространство, или пейзаж, представляется как реализация психологических процессов, а именно, отражение внутреннего мира автора-повествователя и персонажей романа». (С. 96)

Очень важным представляется вывод о том, что в «Петербурге» «большое количество реминисценций и аллюзий, поэтому очень трудно

однозначно утверждать, что все совпадения, на которые указывают исследователи, являются таковыми», но при этом параллели между «Петербургом» и картиной «Остров мертвых» Арнольда Бёклина «параллели между Петербургом как миром, в котором соприкасаются жизнь и смерть, и «Островом мертвых» выходят за пределы типологии, позволяя выявить и генетико-типологические связи между романом и знаменитой картиной». (С. 110)

Не вызывает сомнений вывод о том, что Замятин в романе «Мы» показал, что «математика может быть использована как инструмент подавления, а не раскрепощения личности, а главное – как основа государственного тоталитарного управления». (С. 120)

Оригинальным и очень интересным является заключение о том, что в романах «Петербург» и «Мы» «Гипертрофированная, доходящая до гротеска геометризация городского ландшафта <...> обусловлена ориентацией на точку зрения героев: «мозговая игра», положенная в основу романа Белого и поданная с помощью несобственно–прямой речи, у Замятина реализуется с помощью перволичного повествования. И если у Белого носителями математического «бреда» становятся разные персонажи (прежде всего отец и сын Аблеуховы), то у Замятина в центр выдвигается сознание одного героя – математика Д–503, образ которого вбирает в себя черты различных литературных прототипов, среди которых, вероятно, присутствуют герои не только Ф.М. Достоевского, но и Белого. Так, подобно Аполлону Аполлоновичу, герой Замятина взирает на мир сквозь призму математики и стремится к упрощению сложных функций – не случайно его любимое слово «ясно»». (С. 133)

Диссертант точно подметила, что в романе Белого «Когда герои романа «Петербург» испытывают невыносимую душевную боль, они предаются бессмысленным вычислениям», что психологически достоверно, так как «в минуты душевной смуты человек часто фокусируется на бессмысленных

повторяющихся действиях, доходящих до автоматизма. Исчисляя страдание секундами, герой вытесняет его из сознания, тогда как Белый таким образом воздействует на читателя, предоставляя тому возможность разделить с героем тянущееся время ожидания, как бы психологически увеличивая его продолжительность». (С. 139)

Интересным является вывод о том, что «Замятин, прибегая к языку математики, убедительно доказывает, что ирреальное, абсурдное укоренено в самой жизни, поскольку «каждой формуле» должно соответствовать некое тело». (С. 142)

Не вызывает возражений заключение о том, что «Если для Белого математика – будь то арифметика или высшая математика – «отвечает» прежде всего за мир кошмара, дурной бесконечности, морока, наваждения и в итоге преступления, если писатель показывает губительное воздействие на живую жизнь рассудочных, химерических умозрительных схем, то с точки зрения Замятина математика, как и сама жизнь, амбивалентна, поскольку включает в себя и зло и добро и не терпит лишь ограничений, покушения на свободу». (С. 147)

Соответствующим истине и полностью доказанным представляется общее заключение о том, что неомифологическое мышление А. Белого и Е.И. Замятина «базируется отнюдь не только на собственно мифах – древних, историко-культурных, но и на научном знании, которое удивительным образом питает воображение, творческую мысль создателей текста». (С. 161)

Вместе с тем, в диссертации есть некоторые дискуссионные места и частные ошибки. Диссертант берет для анализа редакцию («версию») романа «Петербург» 1913 года, полагая, что она «лучше всего показывает научную мысль Белого, его модернистский стиль и его понимание антропософии Штейнера». (С. 55) На наш взгляд, стоило бы отметить, что существует и противоположная точка зрения, согласно которой в наибольшей мере

творческий замысел Белого реализовался в редакции «Петербурга» 1922 года. (См.: Клинг О.А. «Петербург»: один роман или два? (Трансформация поэтики «Петербурга» Андрея Белого в ходе работы над редакциями романа) // Вопросы литературы, 1993, Вып. VI. С. 45-71)

Дискуссионным является утверждение о том, что «Серебряный век был пиком развития русской культуры – в том числе живописи». (С. 88) Разные исследователи по-разному определяют пик развития русской культуры, и этот предмет вообще вряд ли можно оценить объективно. Здесь всегда неизбежно будут преобладать субъективные оценки.

В диссертации отмечается, что «Замятин, судя по воспоминаниям К. Чуковского, в то время когда создавал роман, не читал «Мнимости в геометрии» Флоренского». (С. 119). Но для того, чтобы установить, что Замятин не читал «Мнимости в геометрии» в период работы над романом «Мы», совсем не обязательно обращаться к свидетельству К. Чуковского. Хорошо известно, что роман «Мы» был написан в 1920 году, и уже в ноябре 1921 года была анонсирована его публикация, а книга Флоренского была издана в 1922 году. При этом безусловно важно другое свидетельство К. Чуковского, приведенное на той же странице диссертации, о том, что Замятин признавался ему что «в его романе “Мы” развито то же положение о мнимых величинах, которое излагает ныне Флоренский».

Справедливо отмечая сходство сенатора Аблеухова с гоголевским Плюшкиным в педантичном описании вещей и указывая, что плюшкинская дотошность является пародией на историка Михаила Погодина (С. 127), диссертанту, возможно, стоило бы также отметить, что в данном случае у Белого может быть и прямая связь с главным героем пьесы Мольера «Скупой» Гарпагоном, к которому восходит образ Плюшкина. Гарпагон столь же педантично описывает бесполезные вещи, которые собирается выдать в счет кредита собственному сыну.

Диссертант справедливо отмечает, что строительство космического корабля «Интеграл» метафорически уподоблено Вавилонской башне. (С. 145) Возможно, стоило бы указать, что при описании строительства этого фантастического корабля Замятину пригодился его опыт инженера-судостроителя.

В предложении «В процессе воссоздания всего петербургского текста русской литературы Белый уникальную прозорливость» (С. 37), вероятно, пропущено слово «проявил». В предложении «Вкладывая кощунственные с точки зрения канонического христианства в уста героини» (С. 50), вероятно, пропущено слово «слова».

Однако выявленные немногочисленные ошибки, стилистические неточности и дискуссионные суждения не относятся к основному содержанию диссертации и не ставят под сомнение ее выводы.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для создания лекционных курсов на филологических факультетах университетов, посвященных творчеству А. Белого и Е.И. Замятина, а также истории русской литературы первой четверти XX века.

Автореферат и публикации отражают основные положения диссертационного исследования.

Диссертация Чжан Линьлинь отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1.-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно положению № 5,6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Чжан Линьлинь заслуживает присуждения
ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 –
Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,

Научный консультант издательства «Вече»

СОКОЛОВ Борис Вадимович

Подпись

Дата подписания: 21.05.2024

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 10.01.01– Русская литература

Адрес места работы: 127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48 корп.
1, Издательство «Вече»

Тел.: рабочий телефон: 8-(499) 940-48-70, e-mail: адрес официальной
почты: veche@veche.ru